

Секция «Политика памяти: методология исследования и практики применения»

О важности изучения механизмов преодоления исторической травмы в современном политическом пространстве

Научный руководитель – Артамонова Юлия Дмитриевна

Самсонова Наталья Николаевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории и теории политики, Москва, Россия

E-mail: natalie.samsonova@gmail.com

Вторая половина XX века стала площадкой для «мемориального бума» в гуманитарных науках, вызвавшего повышенное внимание к темам травмы, горя, аффектов и терапии.

Анализируя массив научных работ, можно выделить два основных методологических подхода к исследованию травмы: психоаналитический (З. Фрейд, Д. ЛаКапра, У. Сантер, К. Карут, Ф. Р. Анкерсмит) и социологический (П. Штомпка, Р. Айерман, Н. Смелзер, Дж. Александер). Унифицирующей предпосылкой психоаналитического подхода является идея восприятия травмы как нарушения механизма обработки и запоминания информации, ведущего к разрушению основ личностной (З. Фрейд) и коллективной (Ф. Анкерсмит) идентичности. Социологический подход основан на признании социальной среды в качестве важнейшего фактора возникновения травматических воспоминаний.

Представители данных подходов сходятся во мнении, что проблема работы с травматическим эффектом - это проблема воспоминаний (в т.ч. коллективных) о нем, что позволяет оценивать травму как важный составной элемент коллективной исторической памяти. Рассматривая историческую память в качестве «механизма отбора и переработки представлений о прошлом, являющихся основанием не индивидуального, а минимально коллективного сознания (группы и более широких общностей)», Ю.Д. Артамонова выделяет такие основные свойства коллективной исторической памяти как общность представлений, разделяемых членами определенной группы; эмоциональная окраска; потенциал применения (коллективная память формируется не набором знаний, а опытом пригодным к использованию) [Артамонова, 2018. С. 31-35]. Полагаем, что данные свойства в полной мере присущи феномену исторической травмы как важнейшему компоненту коллективной исторической памяти.

Кроме того, возможно выделить следующие особенности исторической травмы как коллективного психологического и социального феномена.

1. *Феномен «временного лага».* Поскольку травматический эффект производит не сам опыт, а скорее воспоминание о нем, между инцидентом и травматическим переживанием возникает промежуток времени, характерной чертой которого является забывание: как по причине диссоциации, так и в силу осознанного табуизирования травматической темы ради перспективы устойчивого развития для будущих поколений.

2. *Сложность артикуляции подлинно травматических переживаний.* Носитель травмы, даже артикулируя свои непосредственные переживания и ощущения, ориентирован на самого себя, заинтересован в переживании болезненного опыта, а не его пояснении и передаче другому. Именно поэтому при исследовании травмы важно обращаться к «следам травматического», различным формам ее репрезентации в искусстве, народном творчестве и т.д. [Caruth, 1996]. Язык травмы подразумевает возможность перевода: именно поэтому в исследовании травм большое значение имеет использование контент-анализа текстов.

3. *Зависимость от культурного контекста и социальных условий.* Актуализация травматического инцидента и специфика его интерпретации зависит от целей обращения к нему и средств, которыми располагает коллективное агентство. Как отмечает А. Ассман, на сегодняшний день мировое сообщество является пространством принципиальной трансформации мемориальных канонов - перехода от сакрифицированных к виктимизированным формам памяти: оказываясь в центре медийного внимания, фигура пассивной жертвы обретает высокую культурную значимость [Ассман, 2014. С.79-82]

Современный вектор отечественной политики памяти принципиально отличается от описанного выше: историческая политика России ориентирована на положительные страницы истории и героические образы. Однако, задача формирования альтернативной памяти и потребность в ней не исчезли. Ранее упоминалось, что одной из характерных черт исторической травмы выступает феномен «временного лага», опасность которого в ходе освоения исторической травмы в политическом дискурсе, заключается в том, что в течение «инкубационного периода», зачастую отличающегося продолжительностью, существующие описания травматического события переходят из разряда исторического свидетельства в разряд эмоционально окрашенной и довольной жесткой интерпретативной конструкции интерпретаций, что может использоваться отдельными политическими акторами в спекулятивных целях.

В качестве примера подобного выстраивания травматического дискурса можно привести использование «Партией Народной Свободы» событий 1919 г. («Директива о рассказывании») в своей риторике. Согласно определению, данному К.Г. Юнгом, «символ - это термин, имя или изображение, которые могут быть достаточно известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу» [Юнг, 2019. С. 25]. О схожих техниках «мифологизации политического» говорит и Р. Барт [Барт, 1996]. В рамках выстраиваемого партией «ПАРНАС» дискурса традиционные элементы казачьей культуры приобретают иное, отличное от принятого добавочное значение, становятся не традиционным символом воинской доблести, а символом ассиметричного насилия, уничтожения, причем не только «физического» при советской власти, но и «психологического», которое риторика «ПАРНАС» приписывает власти современной. Данный пример подтверждает, что само травматическое событие является лишь отправной точкой, влияющей на конструирование социальной теории, в то время как ее содержание определяется спецификой интерпретации и репрезентации данного события.

Поскольку «работа» с исторической травмой - процесс, позволяющий создать устойчивый социальный конструкт на основе фактически любого травматического инцидента, изучение механизмов формирования травматического дискурса особенно важно не только с теоретической, но и практической точки зрения. Выработка механизмов преодоления исторической травмы на теоретическом уровне и их имплементация на практике, в формате устойчивого сотрудничества между представителями власти и общественными организациями, экспертными сообществами, занимающимися вопросами политики памяти, важны для исключения возможности использования исторической травмы как инструмента разобщения мультикультурного и многонационального общества.

Источники и литература

- 1) Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History. Baltimore, 1996. 154 p.
- 2) Артамонова Ю.Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянской культуры. 2018. Т.48. С. 29-40.

- 3) Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- 4) Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
- 5) Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Канон++, 2019. 305 с.